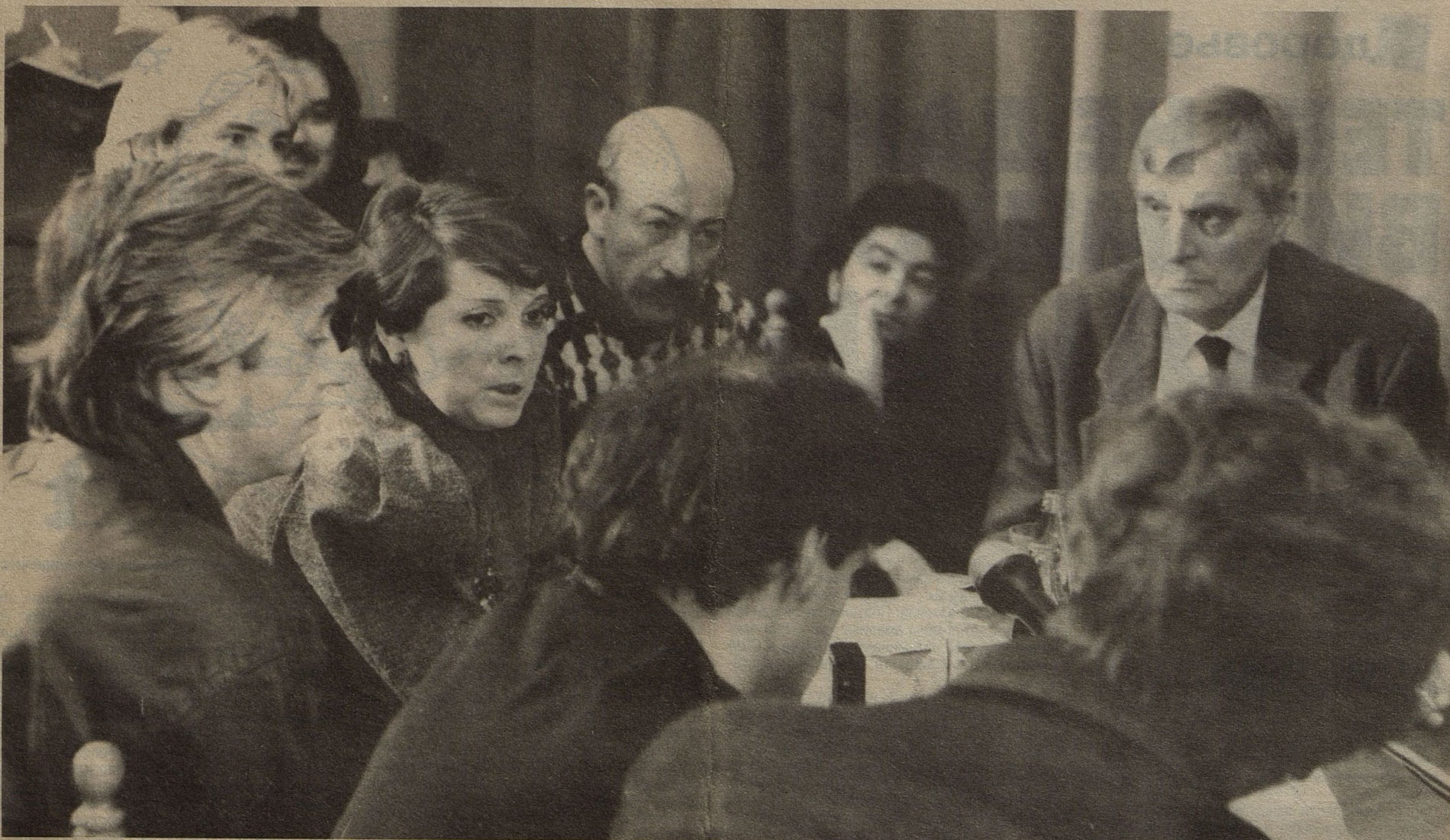




«Золотой Остап». Пресс-конференция.

Клара НОВИКОВА моя история

ПО СТРАНИЦАМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГИ

Первый тур IV Всесоюзного конкурса артистов эстрады у речевиков предстоял в Малом зале ЦДРИ. Перед жеребьевкой, чтобы не попасть впросак, я помчалась в Дом культуры Зуева — посмотреть, как тянут номерки вокалисты. Помню, вышла эдакая столичная штучка, совершенно свободная, и, глядя в зал, сказала: «Сейчас будет номер тринадцать». И, подойдя к шляпе, в которой номерки лежали, действительно тринадцатый номер вытащила: «Ну, что я говорила!» Это Пугачева была. А мне восьмой номер достался. Как отнеслась к этому? Номер восемь, номер восемь — когда надо, тогда спросим... Но было не безразлично, кто выйдет передо мной. А костюм казаха, который седьмой номер вытащил, был вишневого цвета, как и мое платье. Мне казалось даже, что его костюм и мое платье из одного материала сшиты... И вот стою в ЦДРИ за кулисой. Подглядываю, как зал принимает седьмого — казаха в вишневом костюме. Он декламирует с пафосом какой-то поэтический текст на своем языке, и лишь одно слово понятно — ЛЕНИН. И когда он вновь восклицает внезапно: «ЛЕНИН!» — вижу, как три всем известных артиста, давясь от смеха, сползают со стульев...

Продолжение. Начало в № 8.

А я очень спокойно — не ожидая даже, что так спокойно буду, — вышла и сразу почувствовала, как зал потянулся ко мне. Подкупало, быть может, что я без всяких понтов, в коротеньком платьишке? И тихо так я начала: «Пляж... Рио-де-Жанейро... Неаполитанский залив...» Зал затих. И со знавая, что зал — мой, я держала паузы, сколько хотела. Щелкали включаемые магнитофоны — меня записывали. А когда закончила, аплодировали даже стоя. И даже бисировали. Я вышла в коридор и, приоткрыв дверь в зал, Людю Кравчук слушала, Гену Хазанова... Когда выступления закончились и жюри направились заседать, Борис Сергеевич Брунов, председатель жюри, проходя мимо меня, остановился, потрепал по щеке и сказал: «Молодец. Все хорошо». А Лев Горелик, который тоже входил в жюри, до сих пор говорит мне: «Это — я, я! Как только ты появилась на сцене, я тут же сказал всем: «Это — лауреат!» Многие, наслушавшись обо мне после первого тура, пришли на второй тур специально посмотреть меня. Вокруг разговоры — открытие! И я дико волновалась. Второй тур проходил уже в Театре эстрады. Сейчас — это мой дом. До начала концерта я выхожу на сцену и здороваюсь с еще пустым залом. В этом зале добрый дух обитает, ко-

торый хранит меня. А как любовно здесь сцену делают для моих сольных концертов. В этом театре, которым уже многие годы руководит Борис Сергеевич Брунов, и каждая уборщица — свой человек для меня. А билетеры всегда спешат рассказать мне, что говорили зрители после концерта...

В Театре эстрады — там, где балетный зал, — есть узкая лесенка. И до полуночи все теснилось на этой лесенке, ожидая, когда жюри спустится. Очень долго они заседали. Я уже знала, что иду на лауреатское звание. Кто говорил, что первым будет Хазанов, а я второй, а кто, напротив, меня ставил первой. Такие шли разговоры. Хазанов блистательно делал пародии. Легко делал, с таким смаком, зная, что обречен на успех. И действительно, зал мгновенно узнавал всех, кого он показывал. Хазанова к тому времени уже знали. В зале сидели его авторы — Аркадий Хайт, Семен Альтов. Гена был своим парнем здесь. А меня, кто знал меня здесь еще неделю назад? Первую премию жюри присудило и мне, и Хазанову. Вторую в нашем жанре — москвичке Людмиле Кравчук. Она выходила с гитарой — красивая, знающая себе цену. А третью премию получила Надя Руденко.

Ко мне подходили, поздравляли Милов и Новичкий, Шуров и Рыкунин... Помню ревностный взгляд Марии Владимировны Мироновой. А что дальше, думала я, вот домой приеду...

Питер, Дворец спорта. Битком набитый зал. Мы с Витей Ильченко стоим у входа, встречаем своих гостей. Видим Пьеху — она в толпе своих обожателей. Идет на наш концерт, но, поравнявшись с нами, нас не замечает. Витя говорит: — Дита, ты меня не узнаешь? Я — Витя Ильченко. — Простите. — Помнишь — Одесса, гостиница «Красная», Жванецкий, Карцев, Ильченко... — Извините, не помню. Все — песни, песни... С тех пор, когда ко мне подходит человек и я не могу вспомнить его, то говорю: «Извините, все — песни, песни...»

Я познакомилась с Ильченко и Карцевым на Юмюрине в Одессе в семьдесят шестом году. Я не решалась даже подойти к ним, а когда нас наконец познакомили, Рома не проявил ко мне особого интереса, а Витя, которому всегда и все интересно было, стал расспрашивать, что и как я делаю. Тогда, в Одессе, я пробиралась в какой-то подвал, шла подворотней, чтобы попасть на представление, которое Карцев и Ильченко давали по Чапеку — официального одобрения эта работа не имела. Потом я работала вместе с ними в концертах, хотя они редко участвовали в сборных концертах — у них были сольные программы. А на официальные концерты, впрочем, их не очень-то приглашали. С Витей у меня сложились самые добрые отношения. Я ему рассказывала, показывала свои новые номера, целиком полагаясь на его безукоризненный вкус, эрудицию — он хранил традиции своего старого дворянского рода. А когда Вити не стало — он слишком безудержно жил даже после первого инфаркта, — то выяснилось, что именно он многое определял в этой уникальной творческой тройке. И Миша Жванецкий если к кому и прислушивался, то к Вите. А Рома до сих пор не может смириться, что на сцене рядом с ним нет Вити — столько лет он общался через него со зрительным залом...

Сегодня так сложилось, что Игорь Тальков стал символом, а я знала его, когда он пел еще вместе с Аллегровой. Одно время мы часто встречались в концертах в «России», и так получалось, что или я за ним иду, или он за мной. Ему импонировало, что я тоже «врубаю». Мы как-то разговорились, и я убедилась, как глубоко погружен он в историю нашей многострадальной страны. Его по-настоящему волновало и до

Медведь. — 1997. — № 9. — с. XII — XIII



Кировград, 1968 год.

чего большевики страну довели, и как нам живется сегодня. Помню, я только что в Ялту приехала, вошла в гостиницу, а Игорь возвращался с концерта. За ним несли огромную охапку цветов. И он вручил мне все эти цветы: — Сегодня ты за мной... И больше я его не видела.

Многие, очевидно, помнят, как в былые годы наше телевидение выдавало праздничные «Огоньки». Снимались они заранее, и я не могу не вспомнить, как впервые в таком «Огоньке» снималась. Он готовился к 7 ноября, и на съемку были приглашены рабочие со шляпной фабрики.

Приглашенных предупредили, что одеться надо понаряднее, но был рабочий день, люди пришли прямо с фабрики, и молодого парня, который был в белой рубашке — самого нарядного! — и усадили за мой столик. Теперь то я знаю, что массовку, прежде чем делать рассказать, а тогда я не понимала этого и после команды «Начали» сразу стала «Моторизацию» Стефании Гродзенской рассказывать. Но едва первое слово произнесла, как этот парень начал дико хохотать. Я с удивлением на него посмотрела и продолжала делать номер, уже себя не слыша, — парень теперь не только дико хохотал, но и бешено аплодировал мне! Прочтя на моем лице ужас, режиссер прервал съемку...

Предстоял дубль. Парня предупредили, что, конечно, он может и смеяться, и аплодировать, но чтобы знал меру и держался свободнее — не был бы так скован. Он, действительно, смеялся и аплодировал меньше, хотя по-прежнему поперек, а стремясь держаться свободнее, схватил лежавшее в вазе яблоко и вонзился в него зубами! Раздался страшный скрип... Он не знал — да и я сама не знала, — что фрукты были из папье-маше. Он никак не мог вытащить зубы из этого яблока, и вид у

него был до того перепуганный, что я не смогла сдержаться и рассмеялась. Съемку вновь прервали. Василий Лановой сказал что-то, и стали писать третий дубль. Парень на этот раз, казалось, старался слушать меня и смеялся, и аплодировал вроде бы в меру, но, когда я закончила, он спросил: — А о чем вы рассказывали?

Надым. Праздник нефтяников. Артистов везут в тайгу — по грибы и ягоды. Но я ни одного гриба найти не могу. Уж на четвереньки опуститься готова, чтобы хоть какую-нибудь сыроежку высмотреть. А Зыкина, у меня очень добрые с ней отношения, и в тайге — царь-баба. Не склоняясь даже, указывает своему Гридину палкой: — Вот гриб. Вот гриб. Как она видит эти грибы? И как покажет, так — белый...

В те годы я часто встречалась на концертах с Вероникой Станкевич. Это целая семья артистическая: муж ее — Иван Суржиков, поют и дочери — Катя и Лиза. Когда они всей семьей да с музыкантами Вани и Кати появлялись за кулисами, я всегда находила, о чем с Катей поговорить, а Вероники Александровны побаивалась. Помню, как однажды она прошла мимо меня вся в блестящих, в каких-то диковинных серьгах, изысканно надушенная, и я не удержалась, чтоб не сказать: — Вероника Александровна, от вас потянуло пахнет! Она обернулась: — Деточка, я просто люблю мыться. А как-то в Театре эстрады, в гримерной, я, Галя Улетова, Таня Половинкина говорили о своих домашних делах, о том, как наши дети растут, как вдруг в разговор вступила и Вероника Александровна:

— Девочки, слушайте меня. У меня опыт. Никогда не сознавайтесь своим мужьям, что вы им изменяете. Ванька застал меня с любовником в постели. В руках у меня были трусики. А я кричала: «Ваня, это не я!» Она то и дело придумывала совершенно невероятные истории — и не только из собственной жизни — и так убедительно их рассказывала...

Актриса Станкевич — великолепная. В сборном эстрадном концерте она выходила с рассказом Лескова — кто бы решился на это? — и мгновенно завладевала залом. Суржиков, исполняя русские народные песни, часто появлялся на телеэкране, а Станкевич осталась неведома телезрителям. Обидно, что так случилось. А кого в наши дни привлечет твое имя в концертной афише, если телевидение не ввело тебя в каждый дом?

Хочу рассказать о застолье, которое происходило по случаю Дня космонавтики в правительственном Доме приемов. Дама, которая везла меня в Дом приемов в черной машине с занавешенными окнами, вдруг спросила:

— Какие анекдоты вы будете рассказывать за столом?

— За столом анекдоты? — завелась я. — С какой стати?

— Зачем же вас тогда везут? — не скрала своего удивления эта дама.

Космонавты были без жен, но приглашено было много актеров. Без конца подавали еду, которую не представляю как можно было успеть съесть. К тому же я что-то изображала, рассказывала — не анекдотами, но веселила собравшихся и есть вообще не успевала.

А рядом со мной сидел Шаинский, который был очень популярен тогда. Представить не могла, что такой маленький человек столько съесть может. Мне жульен принесли, я люблю жульен, но еще к нему не притронулась, а вижу — официант идет и сейчас спросит: «Можно забрать?»

И тут Шаинский шепчет:

— Вы не едите жульен?

— Я не успеваю.

— Тогда можно я съем ваш жульен?

Потом все вышли в зал, где подавалось пиво с соломкой и орешками. За столом Вардашева пела, а тут я должна была выступить. Под пиво? Мне казалось, это так унижительно, но меня объявили — куда было деться... Я благодарна была Терешковой — она, казалось мне, понимала, в какую ситуацию я попала, и так хорошо реагировала.

А однажды мы с Ирой Понаровской прилетели в Одессу, чтобы участвовать в «Огоньке», посвященном Дню космонавтики. Всех артистов разместили в каютах парохода «Юрий Гагарин», на котором, когда прилетели — предосторожности ради — двумя самолетами космонавты, и началась съемка.

Меня усадили за столик с Береговым и Быковским. Напротив сидели Леонов и Николаев. Леонов все время мне улыбался. Мы много раз встречались потом.

По сценарию то космонавт говорил, то артист выступал. Николаев, который должен был говорить про гильзу — в ней намеревались заключить послание будущим поколениям, — сидел насупившись. А у нас на столе стояли чашечки для кофе и минеральная вода. И Быковский налил «Боржом» в чашечку и попросил меня:

— Кларочка, отнесите, пожалуйста, Николаеву — он плохо себя чувствует.

Я отнесла Николаеву эту чашечку, он выпил ее залпом и, приободрившись, четко сказал все слова про послание будущим поколениям. Потом космонавты приглашали актеров танцевать. И когда заиграли танго, ко мне не очень твердой походкой подошел Николаев (я знала уже, что было в той чашке, — Быковский и меня едва не напоил этой «минеральной водой»). Так вот, мы танцуем, и Николаев, с трудом поворачивая язык, говорит: — Я хочу тебя.

На что я, разводя ручками, выражаю крайнее недоумение.

— Я генерал, — продолжает он. — И я приказываю.

А я, вновь разводя с таким невинным видом ручками, говорю:

— А я не солдат. Могу не подчиниться.

Затем я свой номер делаю — такой весенний монолог. Довольна собой — хорошо принимают.

Передача вышла в эфир. Сажу у телевизора, смотрю — нет моего номера. Вырезали! Не исключаю, что в моем монологе что-то могло смутить телевизионное руководство. Ну сделали бы купюру — так нет, напрочь вырезали! А в той передаче зато оставили мою с Николаевым сцену. Камера долго показывала, как мы танцуем. Если бы телезрители, видя выражение моего лица и разведенные ручки, могли предположить, что Николаев говорил мне при этом...

Тихий ужас навел на меня сначала и зал КГБ. Если в КДС мне слышался удручающий

шелест страниц партийных докладов, то в зале КГБ, мне казалось, и мрамор какой-то холодный, и кресла скрипят таинственно. А когда на концерте там присутствовал какой-нибудь важный чин, то так освещали сцену, чтобы зал мы не видели.

Но в КГБ в отличие от КДС мы могли произносить самые острые, самые злые тексты. Ведь говорилось это... среди своих. Концерты там часто вел Олег Милевский. Он сказал однажды: «Я счастлив, что сегодня веду концерт в КГБ, — счастлив, что я стою, а вы все сидите!» И заработал аплодисменты.

А со мной такая случилась история. Из поездки в Бангладеш муж привез какие-то доллары и в Новый год положил их под елку. Я впервые держала в руках доллары и сунула их в свою сумочку. А приходя на концерт в КГБ, надо было предъявлять паспорт — твою фамилию находили в списке и пропускали. И вот я вытаскиваю паспорт, а из сумочки выпадает и опускается на пол десятидолларовая бумажка! Солдатики, вижу, в шоке, офицер заинтригованно смотрит на меня. А я говорю:

— Там еще шифровка есть.

Офицер заулыбался, солдатики тоже. Я подняла свои доллары, и, сверив мой паспорт со списком, меня пропустили.

Я по-прежнему стремилась высказаться о том, что происходит вокруг. А все так резко в нашей жизни менялось, когда началась так называемая перестройка.

На эстраде все чаще — гласности! — стали работать сатирики, собирая полные залы, как собирали когда-то, в шестидесятые годы, такие залы поэты. Конкуренты? Нет. Я выскажусь, если смогу сыграть, изобразить рожденные временем характеры.

Уж не помню, кто мне рассказал, что ленинградский артист Семен Фурман написал интересный — именно актерски интересный — монолог для какой-то своей знакомой из «Ленконцерта», но та его не делает. Я ему позвонила и получила этот текст.

Был сюжет, который сразу увлек меня. В ту ночь я долго простояла под душем и много вокруг этого сюжета напридумывала. Для меня всегда очень важно, чтобы была неожиданная идея, а уж дальше... Когда актриса, для которой писал Фурман, услышала мой вариант, она удивилась — неужели это тот самый монолог? Я называла его: «Не пойдем сегодня на пляж...». И, выходя на сцену, изображала пресыщенную деньгами и всеми вдруг свалившимися на нее благами жену нувориша — «нового русского», если хотите, который в те дни еще не стал властителем нашей жизни, еще вызывал некое удивление.

Но когда изображаемая мною дама начинала сетовать, что такая жизнь надоела ей, а как по-иному жить, она не знает — одна надежда, что муж обещал корабль купить, они отправятся вокруг света и на них пираты нападут и ограбят... — я сбрасывала маску. Героиней монолога была актриса, которая, снимаясь в этой роли, мечтала хотя бы пять минут пожить такой жизнью. Она опасалась занятую очередь пропустить за югославским куриным супом в пакетиках... И я показывала дальше, как моя героиня, погруженная в нескончаемые бытовые заботы, никак не может снова в роль войти и продолжить съемку...

Сеня Фурман в работе над номером не участвовал — не интересовался даже, что я делаю с его текстом. Но, приехав в Ленинград с программой «Товарищ Кино», я позвонила ему, и мы договорились встретиться. Сидела на скамейке, поджидая его, пыталась вообразить, как он выглядит, и вдруг появляется такой гном и радостно говорит мне: «Здравствуйте. У меня большая писка».

Не зная, как преодолеть неловкость, я засмеялась. А он таким доверительным тоном стал рассказывать, что в детстве мама волновалась, что он растет таким маленьким и что у него и писка будет маленькой. Стала кормить его какими-то таблетками и однажды, поставив на стол, посмотрела и сказала: «Ну вот, ты маленький, а писка у тебя большая». Он пригласил меня к себе домой, сказав, что хочет познакомиться с женой. Жена мне понравилась — милая, деликатная. А в беличьей клетке крыса крутилась, и когда мы за стол сели, эта крыса Сене на плечо забралась и ела прямо у него изо рта. Эту большую серую крысу с длинным хвостом он купил на рынке за рубль. Смущая прохожих, водил ее гулять на поводке.

Такой эпатажный человек. А на сцене к клоунаде склонен. Сейчас он в Питере на виду — получает актерские премии. Я предлагала ему, и не так давно, написать еще что-нибудь, но он сказал, что интерес к словам потерял... Я долго работала этот монолог, он прошел и по телевидению. И фраза «Не пойдем сегодня на пляж», с которой он начинался, была на слуху. Мне рассказывали, что она бытовала в московских НИИ — тамошние женщины, начиная рабочий день, затевали обмен ею.

(Окончание следует.)